

Энна Адольфовна Желубовская

Огюст Верморель

Французский ежегодник 1970

М.: Наука. 1972. С.140-148

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2012

Огюст Верморель прожил всего 30 лет. Он был сражен вражеской пулей 25 мая 1871 г. на одной из важнейших баррикад Парижской Коммуны, баррикаде Шато д'О. Он умер в версальском военном госпитале, куда был доставлен, тяжело раненый, в качестве пленника версальцев.

Его жизнь, короткая, но яркая, была вся отдана мужественной борьбе против политической реакции и социального гнета бонапартистского режима Второй империи, против антинародной и антинациональной политики главарей буржуазной республики, сменившей империю в сентябре 1870 г., против немецких оккупантов и их версальских сообщников, палачей своего народа. Парижская политическая тюрьма Сент-Пелажи не раз принимала его в свои стены в годы Второй империи и после ее крушения. Он провел долгие месяцы в тюрьмах Мазас, Сантэ, Маделонет.

Избранный после революции 18 марта 1871 г. членом Парижской Коммуны, он отдал жизнь за претворение в жизнь идеалов свободы, демократии, социальной справедливости, во имя которых он самоотверженно сражался с ранней молодости.

Верморель, однако, не успел освободиться от иллюзий, порожденных идейными заблуждениями, во власти которых он находился вместе с другими представителями французской революционной молодежи его времени. Печать этих заблуждений лежит на отдельных сторонах его деятельности в дни Коммуны, как и в предшествовавшие ей годы. Этой же печатью отмечены отчасти и его произведения.

В отличие от других членов Парижской Коммуны, Верморель, несмотря на раннюю смерть, оставил после себя богатое литературное наследство, позволяющее воссоздать со значительной полнотой не только его революционный облик, как и облик ряда его современников, но и многие важные черты выдающегося в истории Франции десятилетия 60-х годов XIX в. и последующего беспримерного периода непосредственной предыстории Коммуны.

Члены первого в истории человечества правительства рабочего класса — и в их числе Огюст Верморель — по праву должны занять свое место в революционной летописи. Прогрессивная историография в долгу перед ними ¹.

¹ Об Огюсте Вермореле существует лишь одна книга, изданная в 1911 г. его однофамильцем, лионским архивариусом Жаном Верморелем, ставившим своей целью, так же как и автор предисловия к книге, сенатор Виктор Верморель, «реабилитировать» Огюста Вермореля в глазах французской буржуазии, представив его пребывание в рядах Коммуны как случайный и противоречащий его предшествующей политической биографии эпизод.

Денисэ — коммуна в округе Вильфранш департамента Рона. Здесь, в населенном пункте Пуийи-ле-Шатель (Pouilly-le-Châtel), 22 июня 1841 г. у местного учителя, Клода-Луи-Филибера Вермореля, 41 года, родился сын Огюст-Жан-Мари. Так гласит запись от 23 июня 1841 г. в метрическом свидетельстве Огюста Вермореля, хранящемся в актах гражданского состояния коммуны Денисэ².

Отец Огюста сам занимался его начальным обучением. Он намеревался дать сыну законченное духовное образование и с раннего детства обучал его латыни. Его жена, Клодин-Жозефин-Сабин Шерве, усердно помогала ему воспитывать сына в религиозном духе. Тринадцати лет Огюст был определен в иезуитский коллеж в Монгре (Montgré) близ Вильфранша.

Сын, однако, не оправдал ожиданий родителей. Он недолго оставался под опекой иезуитов и вскоре бежал из коллежа. Сообщая об этом впоследствии в своей автобиографии, он счел нужным подчеркнуть: «Я никоим образом не подвергся влиянию иезуитизма, так как всегда держался обособленно и в состоянии войны»³.

Продолжив свое образование дома, самоучкой, отчасти с помощью отца, он в 15 с половиной лет, не достигнув положенного возраста, блестяще сдал экзамен на звание бакалавра. Ему удалось сломить сопротивление родителей и добиться разрешения следовать «своему литературному призванию». В конце 1857 г.⁴, а не в 1860 г., как утверждают некоторые авторы⁵, он уехал в Париж. Ему едва минуло 16 лет.

Таковы немногие достоверные сведения, которыми мы располагаем о детских и ранних юношеских годах, проведенных Огюстом Верморелем в Денисэ.

* * *

О первых парижских впечатлениях Огюста Вермореля мы можем судить лишь на основании отдельных его сообщений, относящихся к более позднему времени «Когда три года тому назад я приехал в Париж, — писал он в январе 1861 г., — я был богат прекрасными планами, иллюзиями, но беден деньгами, связями, товарищескими отношениями. Увы! скоро я увидел, как рассеялись все мои великолепные мечты»⁶.

Он приехал в Париж, чтобы заняться изучением права и одновременно отдаться литературному труду. Он верил, что перед ним открыта дорога к успеху на литературном поприще. Поселившись в Латинском квартале и поступив на юридический факультет (Ecole de Droit), он с первых дней столичной жизни принялся ревностно изучать историю и философию, «проводя дни и ночи, по его собственным словам, в упорном труде». Уже его ранние литературные опыты свидетельствуют о разносторонних познаниях, приобретенных им в это время. Наиболее значительным результатом его настойчивых занятий явился роман «Desperanza». Он писал о нем: «Я вложил в него все самое чистое, что было в моем сердце и уме»⁷.

Однако он напрасно «стучался во все двери», добиваясь опубликования своего романа. «Повсюду мне оказывали благосклонный прием, давший мне

² Относительно даты рождения Вермореля существуют разноречивые сведения. Обычно указываются 21, 22 и 23 июня. Достоверна, разумеется, лишь дата, указанная в метрическом свидетельстве. Текст свидетельства приведен в книге *Jean Vermorel. Un enfant du Beaujolais. Auguste Vermorel (1841—1871)*. Lyon — Paris, 1911, p. 1.

³ Рукописная копия автобиографии Ог. Вермореля, написанная им в конце 60-х годов, за полтора года до смерти, хранится вместе с другими материалами о нем в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в дальнейшем ЦПА ИМЛ).

⁴ *Biographie d'Auguste Vermorel, par lui-même* (ИМЛ). А также *A. Vermorel. Desperanza*, 3e éd. Paris, 1861, p. 2.

⁵ *Jules Clère. Les hommes de la Commune*. Paris, 1871, p. 180.

⁶ *A. Vermorel. Desperanza. Préface*, p. 2—3.

⁷ *Ibidem*.

высокое представление о парижской учтивости; никто не соизволил бросить взгляд на мою рукопись».

Он продолжал трудиться «с упорством, с ожесточением», продолжал и свои тщетные хождения к издателям. Каждая его новая попытка встречала неизменно вежливый, но все тот же уклончивый прием. Некоторые из издателей, к которым он неоднократно обращался, откровенно сказали ему, из сочувствия к его упорству, что он слишком наивен. «Прежде чем представиться, я должен был создать себе имя. Что же касается средств, при помощи которых я мог добиться такого результата, то это мое, а не их дело». Безрезультатными остались и его многократные обращения в редакции журналов, куда он пытался поместить написанные им в это же время статьи, посвященные «выдающимся защитникам великого дела свободы».

В эту крайне тяжелую для него пору он вынужден был довольствоваться сотрудничеством в библиографических бюллетенях, составлением отчетов о разного рода заседаниях и другими малозначащими литературными упражнениями — словом, «всей той неблагодарной работой, которая составляет кухню всякой газеты или журнала, работой, которая не дает даже права человеку, выполняющему ее, скромно поставить свое имя под именами тех, кто занимает почетные места»⁸. Он не мог обойтись без такой работы, так как должен был сам обеспечить свое существование, после того как отказался от материальной помощи родителей (130 франков в месяц)⁹.

Многочисленные рецензии 17-летнего Вермореля на разнообразные новейшие издания, подписанные инициалами A. V., обнаружены нами, в частности, в библиографических бюллетенях двухнедельного официального журнала «La Revue Contemporaine», где они регулярно печатались с февраля 1859 г. Весьма вероятно, что Верморель сотрудничал в этих бюллетенях и ранее, в 1858 г., однако установить с точностью его авторство не представляется возможным, так как в 1858 г. рецензии на текущие издания печатались в «La Revue Contemporaine» без указания имени и даже инициалов их составителей.

В числе литературных и исторических работ, рецензировавшихся юншей Верморелем в журнале «La Revue Contemporaine» в 1859—1860 гг., мы находим, наряду со значительными произведениями, такими, как «Оливер Твист» Ч. Диккенса во французском переводе 1858 г., или комедия Мольера «Скупой» издания того же года, немало сочинений, не оставивших сколько-нибудь заметного следа в истории литературы и науки. Порой Верморель один заполнял целый выпуск бюллетеня своими рецензиями, как правило, свидетельствовавшими о строгой принципиальности, нелицеприятности их автора, о его добросовестности и компетентности.

Не останавливаясь на содержании множества напечатанных Верморелем рецензий на книжные новинки 1858—1860 гг. (в 1859 г. в «La Revue Contemporaine» появилось 40 его рецензий, в 1860 г. — 23), ограничимся рассмотрением лишь некоторых из них, представляющих наибольший интерес. Они знакомят нас с юношескими суждениями Вермореля о крупных общественных явлениях и событиях прошлого. Обращает на себя внимание, в частности, напечатанная в марте 1859 г. рецензия на «Мемуары о сентябрьских днях 1792 г.»¹⁰, вышедшие в свет в 1858 г. «Было бы ошибочно, — писал он, — рассматривать эти мемуары только как документальный материал. Этот том сам по себе является красноречивой историей, живущей своей собственной жизнью, независимой от событий и представляющей собой нечто большее, чем точное изложение фактов. Все вызывает в нас живой интерес, и мы с одинаковой пользой читаем как ценнейшие

⁸ A. Vermorel, *Desperanza*. Preface, p. 2—3.

⁹ *Biographie d'Auguste Vermorel, par lui-même* (ИМЛ).

¹⁰ «Mémoires sur les journées de septembre 1792». Paris, 1858.

протоколы Парижской Коммуны, этого трибунала террора и крови, рожденного анархией, каждая страница Анналов которого отмечена тайными доносами, арестами, казнями, или запись расходов, в которую с холодной банальностью включено вознаграждение за убийство, так и волнующие, исполненные мучительных терзаний рассказы Журньяка, Миара, маркизы Фосс-Ландру, аббата Сикара или негодующий протест председателя Журдана. И, однако, в этом чтении нет ничего расслабляющего, ничего оставляющего нас в убийственном унынии.

В том и состоит одно из похвальных преимуществ нашей природы, что наряду с преступлением мы умеем выявлять величие и героизм; восхищение берет верх над нашим возмущением, не позволяет нам впасть в отчаяние. Выходишь словно окрепший от этого зрелища, с сердцем, закаленным в этой кровавой бане»¹¹.

Верморель, как видим, в ранней молодости отрицательно относится к методам революционного террора якобинской диктатуры. Это, однако, не умаляет его восторженного отношения к французской революции в целом, величие ее, героизм ее участников его восхищают.

Заслуживает также внимания опубликованная в февральском номере «La Revue Contemporaine» за 1859 г. рецензия Вермореля на книгу Жюльетт Ла Месин «Антипрудонистские взгляды на женщину, любовь и брак»¹². Не разделяя полностью взглядов Прудона на эти проблемы, отмечая «поразившую всех крайность» этих взглядов, Верморель, однако, не присоединяется и к позиции автора книги, требующего полной эмансипации женщины, ее права на занятие всех без исключения общественных должностей, вплоть до высоких административных и судебных постов, права на развод. Рецензент подчеркивает, что автор, опровергая Прудона, впадает в другую крайность, недооценивает роль женщины как жены и матери, роль, «достаточно прекрасную». Его вывод таков: признавая право женщины на выполнение ряда общественных функций (врач и т. п.), он вместе с тем убежден, что именно в ее двойной роли жены и матери должно главным образом сказываться ее благотворное влияние на общество и что «скорее следовало сожалеть о том, что обстоятельства бросают некоторых женщин в общественную жизнь, чем пользоваться этим как аргументом, в большей мере благовидным, нежели неопровержимым»¹³.

Рецензия позволяет сделать вывод, что уже в 17-летнем возрасте Верморель изучает Прудона и испытывает на себе влияние его идей. Популярность Прудона в Париже в то время, когда туда прибыл Верморель, была так велика, что новый обитатель Латинского квартала не мог не поддаться, подобно большинству студенческой молодежи, его идейному воздействию.

Вплоть до конца 1860 г. Верморель регулярно сотрудничает в библиографическом бюллетене журнала «La Revue Contemporaine». Ему принадлежит также напечатанная в самом журнале критическая статья о книге Луи Эно (Enault) «Nadège», вышедшей в свет в 1858 г.¹⁴

* * *

После всяческих мытарств, которые претерпел юный провинциал в первые годы своего пребывания в Париже, он понял, наконец, что путь в литературу для него фактически закрыт, ибо «изучение, труд, энергия,

¹¹ «La Revue Contemporaine», 1859, t. 8, 2me série. «Athénæum français» (Bulletin critique), 31 mars 1859, p. 42.

¹² «Idées anti-proudhoniennes sur la Femme, l'Amour et le Mariage», par Mme Juliette La Messine. Paris, Taride, 1858.

¹³ «La Revue Contemporaine». Paris, 1859, t. VII, 2me série. «Athénæum français», 15 février 1859, p. 27.

¹⁴ «La Revue Contemporaine», mars — avril, 1859.

даже талант бесполезны, если не обладать другими преимуществами, казалось бы, более легковесными, но на деле гораздо более важными». Он понял и то, что положение, в котором он находится, может длиться 10, 20 лет, постоянно, пока он не «падет в изнеможении, так и не преодолев преграды», воздвигнутой перед ним его безвестностью, и что «такова обычная участь главным образом тех, кто не имеет своей истории»¹⁵.

И тогда он решился на шаг, за который, как Верморель писал позднее, он дорого поплатился. Он получил от видного парижского издателя, к которому он ранее неоднократно обращался, предложение написать документальную хронику жизни женщин легкого поведения, модных в то время в Париже, вместе с уверением, что в случае успеха такого сочинения, ему, несомненно, удастся опубликовать в дальнейшем те самые свои работы, которые он безуспешно пытается предать гласности. Сначала Верморель категорически отказался, но вскоре все-таки принял это предложение, поддавшись минутной слабости.

Книга была им наспех написана и вышла в свет анонимно в 1860 г. под названием «Ces Dames»¹⁶. В ней приводились пространные сведения о быте и нравах известных в то время танцовщиц и прочих постоянных посетительниц увеселительных заведений Елисейских полей и других районов Парижа, в том числе Латинского квартала, описывались их похождения, способы, которыми они завлекали поклонников из разных слоев населения, от богатых и знатных лиц дворянского происхождения, промышленников, коммерсантов до сбившихся с пути студентов. Перед читателем одна за другой проходят известные парижские танцовщицы, выступавшие в танцевальном зале Булье, в Казино, Зимнем саду и других подобных заведениях, знаменитая Ригольбош, Розальби-Канкан, Фиорухта и др. Пикантные подробности их авантюры перемежались здесь с рассуждениями автора, искренне стремившегося довести до сознания своих читателей разлагающее влияние описываемой им среды, показать обреченность этих прожигающих жизнь женщин. Этому роману Верморель предпослал обширное предисловие, где изобличал общественное лицемерие.

Охваченный стыдом и за эпоху, порождавшую низкопробную литературу, и за самого себя, «замаравшего свое перо об это бесчестье», Верморель с горечью писал в последних строках своего произведения: «Тем, кто спросил бы меня, какова мораль этой книги, я бы ответил, что никакой морали в ней нет. Все эти женщины, воскликнете вы, бессердечные и бесчестные ничтожества, лентяйки и распутницы, не вызывающие ни интереса, ни сострадания. Я никогда не говорил обратного. Вы скажете, что недостойно так много заниматься ими, что эта ригольбошианская литература — прискорбная литература! О! вы совершенно правы! Зачем, в таком случае, я сотворил эту книгу? Зачем вы купили ее и прочли? Поверь мне, друг читатель, давай вымоем руки и отнесем вину за счет испорченности века»¹⁷.

Книга имела шумный успех. Спрос на нее был так велик, что за короткий срок она выдержала шесть изданий¹⁸. Однако, несмотря на успех и возможность улучшить свое материальное положение, автор изъял ее из обращения¹⁹.

¹⁵ *A. Vermorel* Desperanza Préface, p. 4.

¹⁶ «Ces Dames Physionomes parisiennes» Paris (1860) Chez tous les libraires

¹⁷ [*A. Vermorel*] Ces Dames, p. 215—216

¹⁸ См. «Catalogue de l'Histoire de France», t. VII, p. 671. В периодическом органе «Le Journal de la librairie», 1860, t. I, приводятся сведения о датах выхода второго издания (11 августа 1860 г.), четвертого (25 августа 1860 г.) и шестого (15 сентября 1860 г.).

¹⁹ В библиографическом издании *Drujon Catalogue des ouvrages poursuivis, supprimés ou condamnés* имеется указание (p. 77) на то, что книга «Ces Dames» была частично изъята из обращения по предписанию судебного следователя от 9 сентября 1860 г.,

Что побудило его так поступить? Согласно его собственному объяснению, побудительным мотивом для этого послужили не яростные выпады против его книги той самой бульварной прессы и ее вдохновителей, которые сами-то и являлись подлинными покровителями разоблаченных им женщин. И даже не ее лицемерные взывания в защиту общественной морали.

Верморель с презрением прошел бы мимо низких выпадов, которыми его осыпали, если бы против его книги не выступили также люди, которых он глубоко уважал, взгляды которых разделял. Прежде всего это было выступление видного литературного и общественного деятеля, Фредерика Морена (Morin). В либеральной газете «Le Courrier du Dimanche» от 26 августа 1861 г. Фредерик Морен подверг сокрушительной критике и книгу, и ее автора, отнесенного им к числу «мелких литераторов (petits messieurs des lettres), которые доходят до такого падения, что становятся платными портретистами этих проституток». Удар был тем более жесток, что Фредерик Морен осуждал автора с идейных позиций, которые сам Верморель всегда горячо отстаивал. Если бы в стране существовала «большая пресса», совершенно свободная или хотя бы наполовину свободная, пресса Армана Кареля, Фюффреда, Бастиа, Годфруа Кавеньяка, Риберойля, если бы наряду с ней существовала свободная трибуна, с которой беспрепятственно звучало бы красноречие Руайе-Колларов, Бенжамен Констанов, Вильменов, Гизо, то разве и эта пресса и эта трибуна не вызвали бы у публики энтузиазма? Глубокий упадок французской литературы — это прямое следствие отсутствия свободы слова и печати — таков основной вывод, к которому приходит Фредерик Морен²⁰.

Но эти же идейные позиции разделял и сам автор нашумевшей, навязанной ему обстоятельствами книжки. И он не замедлил изложить их уже в самом начале 1861 г. в предисловии к первому своему серьезному произведению — к тому самому роману «Desperanza», который, как мы уже знаем, он тщетно старался опубликовать до того, как согласился написать свою злополучную книжку «Ces Dames», и который очень легко опубликовал теперь. Более того, с предложением об издании «Desperanza» к нему явился известный парижский издатель Бурдийя.

Сюжет романа «Desperanza» вкратце сводится к следующему. Молодой человек «из хорошей семьи» по имени Адриен, наделенный благородным и деятельным характером, способностью твердо управлять своими эмоциями, постоянно подчиняющий их принципам чести и долга, и вместе с тем обладающий нежным сердцем в гармоничном сочетании с непреклонной волей, влюбляется в женщину легкого поведения по имени «Desperanza». Это была платоническая любовь. Его единственной целью было стремление вернуть свою возлюбленную на путь истины.

В предпосланном роману «Desperanza» предисловии, датированном 20 января 1860 г., Верморель, вслед за кратким рассказом о злоключениях, вынудивших его начать свой литературный путь с такой книжки, как «Ces Dames», — книжки, впрочем, не столь уж плохой, как ее считают, ибо она является не апологией этих дам, а сатирой на них, излагает основные идейные принципы, на которые он опирается в своем литературном творчестве и на которых он «утверждает свое будущее».

«Современная литература глубоко погрязла в рутине посредственности и слишком удовлетворена своим положением, чтобы можно было надеяться

как наносящая «оскорбление общественной морали» Остальная часть тиража была изъята самим автором См также *Jean Dejamme Une étude de moeurs par Auguste Vermorel* — «Bulletin de la Société historique et archéologique des VIII et XVII Arrondissements de Paris» Nouvelle série, № 9, 1931—1932 Paris

²⁰ «Le Courrier du Dimanche», 26 août 1861 Цит по *A Vermorel Desperanza Préface*, p 9

без сильно действующих стимулов вырвать ее из этой рутины», — таково одно из основных положений, которое 19-летний Верморель без колебаний впервые высказывает публично и, как увидим, детально развивает в своих последующих литературных выступлениях. «Какое грустное зрелище, — пишет он, — являет собой это расточительство стольких талантов и дарований в произведениях, которые не претендуют на возвышенный характер, каким обычно отмечены крупные творения. Наши современники и не помышляют о будущем поколении; их устремления слишком мелки для этого». Процесс деградации охватил все области литературы, даже критику, приемлющую «тот вульгарный уровень, который делает плоскими все дарования, и не пытающуюся даже открыть более широкие горизонты». Эти прискорбные явления находятся в вопиющем противоречии с прошлой общественной и идейной историей Франции. «Можно было совсем иного ожидать от жизнестойкого и могучего движения, которым открылся нынешний век», — продолжает Верморель. Указав далее на то, что нравственность и идеал исчезли из области литературы и искусства, он ищет объяснения этим явлениям упадочничества и приходит к весьма важному выводу, что литература, как и искусство, являются отражением общественной жизни, страдающей тем же недугом. «Бурный взрыв свободы и энтузиазма, затем страстная и мужественная борьба, которая, казалось, должна была породить великолепное будущее», — все это горение исчезает, «и ни у кого нет больше достаточно энергии, чтобы вновь вызвать к жизни прекрасные мечты и прекрасную действительность, которые еще недавно нас восхищали». Если в то прекрасное время «казалось, что нет предела свободе и величию, то сейчас, когда безмолвуют все благородные страсти, словно нет большего опасения, как оказаться слишком свободными и слишком великими».

Подчеркнув опасность дальнейшего пребывания в состоянии такой спячки, которая грозит «в высшей степени подорвать наше уже поколебленное достоинство», Верморель заявляет: «Долг всех, особенно молодежи, состоит в том, чтобы в этом большом попятном движении вновь взять в свои руки славную традицию и мужественно продолжить ее»²¹.

Верморель высказывается за реализм в литературе и искусстве, против увлечения историческим романом, далеким от современности. «Нам нужна истина, но истина новая и глубокая», — заявляет он. Реалистическое изучение духовной и материальной жизни человечества — «человеческой души и жизни человечества», согласно терминологии Вермореля, — вот чего требует «наша ненасытная жажда познания и знания. Писатели, которые в последние годы ввели реализм в области романа и на сцене, это хорошо поняли».

Верморель заканчивает предисловие проникновенными, волнующими строками: «В заключение я хочу сказать лишь то, что торжеству двух великих дел, принципам морали в литературе и политической свободы, я давно посвятил и торжественно посвящаю сейчас все мое существование без остатка».

Чтобы выступить с такой откровенностью и прямотой, необходимо было обладать душевным мужеством, бескомпромиссной убежденностью и искренностью, самоотверженной готовностью отстаивать в борьбе претворение в жизнь высоких идеалов, благородных задач возрождения Франции. Этими качествами, в соединении с несомненным литературным дарованием, обладал юный Верморель, что вскоре после выхода в свет его романа «Desperanza» было отмечено мыслящими людьми того времени. Тот самый Фредерик Морен, который в конце августа 1860 г. подверг, как мы знаем, уничтожающей критике Вермореля за его первую книгу «Ces Da-

²¹ *A. Vermorel. Desperanza, p. 11—13.*

mes», не только дал высокую оценку «многообещающему произведению» молодого писателя, его роману «Desperanza», но и подробнейшим образом изложил в своей новой книге «Люди и книги современности», вышедшей в свет в 1862 г., обстоятельства, вынудившие Вермореля стать на ложный путь и дорогой ценой заплатить за возможность найти издателя для первой своей работы «Desperanza», не имевшей никаких шансов увидеть свет. Морен подчеркнул, что автор, под влиянием критики со стороны либеральной печати, «мужественно изъял из обращения свою книжку, несмотря на ее успех. Более того, он понял, что литература ничего не стоит, если она не ставит перед собой социальной задачи». Приведя дословно заключительные строки предисловия Вермореля, Ф. Морен писал: «Как видим, предисловие Вермореля есть само по себе подлинный роман,— роман, перипетии которого весьма поучительны. Они свидетельствуют о том, как многочисленны, могучи, можно сказать непреодолимы соблазны, которые толкают на путь литературы полусвета тех из молодых писателей, кто не обладает крепкой душевной закалкой и почти героической любовью к добру. Тот, кто стремится ценой своей чести удовлетворить страсть публики к постыдному чтению, легко находит для этого множество прискорбных возможностей, более того, множество приглашений. Тот же, кто, напротив, представляет серьезную книгу, плод глубокого изучения, наталкивается на почти непреодолимые препятствия.

Следует ли сваливать вину за это печальное положение на издателей? — спрашивает автор.— Да, без сомнения, но они не главные виновники. Настоящий преступник — это публика, которая предъявляет спрос на эти сомнительные книжонки, число которых постыдным образом растет на полках парижских книжных магазинов и которых не найти в книжных магазинах Женевы, Нью-Йорка, Лондона, Берлина, Амстердама, Турина и даже Вены и Санкт-Петербурга.

Да, если завтра в свет выйдет блестящая философская книга за подписью Жана Рейно или Литтре, Леру или Бюше, она не наберет и тысячи читателей во Франции и ее издатель будет вынужден рассчитывать на итальянских, английских и немецких покупателей. Но пусть вздумает какая-нибудь куртизанка поверить публике свой позор, история ее проституции может быть напечатана в 10—20 тысячах экземпляров. 15 лет тому назад ничего подобного не было. Я считаю, что могу наверняка сделать следующее печальное предсказание: до тех пор, пока во Франции не появится трибуна, какая у нее была прежде, и пресса, свобода которой будет гарантирована, в ней будет господствовать и преобладать непристойная литература»²².

²² *Frédéric Morin* Les hommes et les livres contemporains Paris, 1868, p 283—284.

о Парижской коммуне - документы, исследования, мемуары,
публицистика, пьесы, стихотворения, романы,
живопись и графика, радиопередачи и фильмы
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune